

Чередование *a* и *o* в основе и прагматика распределения вариантов

© 2024

Максим Анисимович Кронгауз

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; mkronhaus@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются чередования букв *a* и *o* в основе, пропущенные в школьных и академических грамматиках, например *шпаргалка* — *шпора*, *башка* — *бошки*, *симпатичный* — *симпотный*, *платит* — *плотит*, *налить* — *нолито*. Предпринимается попытка объединить ряд разнородных (в том числе и уникальных) явлений в рамках особого чередования, а конкретнее — перехода *a* в *o* в некодифицированной области языка: в профессиональных и молодежных жаргонах, просторечии, подчеркнуто разговорной речи. Таким образом, можно говорить об относительно регулярных чередованиях *a* и *o* на стыке литературного и нелитературного языка. Буква *o* передает фонему [o], которая появляется под ударением в не вполне нормативных или неформальных словоформах и словах (просторечных, жаргонных и др.), то есть подчеркивает эту неформальность. Появление *o* вместо привычного *a* и фонетически и графически маркирует неформальность слова, а часто также его экспрессивность.

Ключевые слова: вокализм, морфонология, разговорная речь, русский язык, чередования

Для цитирования: Кронгауз М. А. Чередование *a* и *o* в основе и прагматика распределения вариантов. *Вопросы языкознания*, 2024, 2: 83–92.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.83-92

The alternation of stem-internal *a* and *o* and pragmatic mechanisms of alternant distribution

Maxim A. Krongauz

HSE University, Moscow, Russia; rmkronhaus@yandex.ru

Abstract: The article considers the alternation of letters *a* and *o* in the stem, missing in school and academic grammars, for example, *shpargalka* — *shpora*, *boshka* — *boshki*, *simpatichnyj* — *simpotnyj*, *platit* — *plotit*, *nalit* — *nolito*. We attempt to combine a number of heterogeneous (including unique) phenomena within the framework of a special alternation, and more specifically, the transition from *a* to *o* in an uncodified area of the language: in professional and youth jargons, popular language, emphatically colloquial speech. Thus, one can speak of relatively regular alternations of *a* and *o* at the junction of literary and non-literary language. The letter *o* conveys the phoneme [o], which appears under stress in not quite normative or informal word forms and words (colloquial, slang, etc.), that is, it emphasizes this informality of a word and often also its expressiveness.

Keywords: alternations, colloquial speech, morphonology, Russian, vowels

For citation: Krongauz M. A. The alternation of stem-internal *a* and *o* and pragmatic mechanisms of alternant distribution. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 2: 83–92.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.83-92

Казус как источник проблемы

В интернете из года в год публикуются статьи о том, как падает грамотность и насколько безграмотны современные школьники. В одной из статей в качестве примера безграмотности школьников фигурировало слово *шпаргалка*. Безграмотность школьников подчеркивалась не только тем, что они пишут это слово с буквой *о*, но и тем, что они проверяют эту безударную гласную словом *шпора*, а она на самом деле непроверяемая.

Вопросы о том, как писать слово *шпаргалка* и можно ли его проверить, встречаются в интернете. Вот, например, на сайте [Большой вопрос.ру] спрашивают: «Как проверить слово *шпаргалка*?». Один из ответов таков:

«Шпар-гал-ка, три слога в слове, ударная гласная во втором слоге.

Слово имеет польские корни, найти в русском языке проверочное слово для проверки безударной гласной *А* в первом слоге нам не удастся, поэтому написание слова остается только запомнить.

Слово *шпаргалка* включено в список словарных слов».

Здесь просто игнорируется жаргонное слово *шпора*, а *шпаргалка* объявляется словарным словом. В двух других ответах жаргонизм упоминается:

«Слово *Шпаргалка* оказывается существительным женского рода и первого склонения, в котором находим окончание *-А*: *Шпаргалка-Шпаргалкой-Шпаргалку*.

Ударение в нем падает на второй слог: *шпарГАлка*.

Корнем слова оказывается морфема *ШПАРГАЛК-*: *Шпаргалочка-Шпаргалочный*.

Обратим внимание, что в этом корне имеется безударная гласная *А*, а само слово можно ошибочно написать как *шпОргалка*.

Проверять эту безударную гласную словом *Шпора* ни в коем случае нельзя, потому что эти слова ничем не связаны, кроме обозначаемого предмета и само слово *Шпаргалка* следует запомнить. Ведь проверочных слов для него нет, а само оно пришло из польского языка».

«Слово *ШПАРГАЛКА* пришло из польского языка, *szpargalka* — исписанная бумажка, а оно в свою очередь восходит к греческому *sparganon* — пеленка, лохмотья от *spargo* — завертываю, пеленаю.

Несмотря на то, что в разговорном языке есть слово *ШПОРА*, слово *ШПАРГАЛКА* пишем через букву *А*, это нужно запомнить».

В одном из ответов даже предпринимается попытка объяснить, почему *шпора* не может быть проверочным словом:

«Проверять эту безударную гласную словом *Шпора* ни в коем случае нельзя, потому что эти слова ничем не связаны, кроме обозначаемого предмета».

Трудно понять, что это означает с лингвистической точки зрения, возможно, это отрицание того, что эти слова являются однокоренными.

Несколько иначе объясняется данная ситуация на образовательном портале [Мел]:

«Интересно, ещё остались те, кто пишет *шпаргалки* от руки, а не печатает их на принтере? Народная мудрость гласит (а личный опыт подтверждает), что это один из самых эффективных способов подготовки к экзамену — пока делаешь письменную “шпору”, в голове точно что-то отложится.

Главное — не проверять этим жаргонным словечком слово “шпаргалка”. В русский язык оно пришло из украинского через польский, где *szpargal* означает “старая исписанная бумажка”. Так что в середине там “а”, а не “о”. И “шпора” — отнюдь не проверочное слово».

Здесь также остается не вполне понятным последнее утверждение. *Шпора* — не проверочное слово, но почему?

Все-таки графическое / фонетическое сходство *шпaргaлки* и *шпoры* настолько велико, что хочется признать их однокоренными, и тогда приходится говорить о чередовании букв *a* и *o*¹. Другая теоретическая возможность состоит в том, чтобы развести их по разным системам. Слово *шпaргaлка* относится к литературному языку, а слово *шпoра* в этой языковой системе просто не существует и относится к школьному жаргону.

В любом случае интересно проверить, как это чередование соотносится с другими чередованиями *a* и *o* в русском языке.

Чередования *a* и *o*, описанные в лингвистической литературе

Одно из них, включающее целый ряд корней, известно еще по школьной программе:

Написание корней с чередующимися гласными А и О может зависеть от места ударения в слове, от значения слова и от тех букв, которые следуют за чередующейся гласной.

1. От места ударения в слове зависит написание корней ГОР/ГАР, КЛОН/КЛАН, ТВОР/ТВАР, ПЛОВ/ПЛАВ, ЗОР/ЗАР. Под ударением в этих корнях пишется то, что слышится, там ошибку допустить невозможно, а вот гласные, пишущиеся в безударном положении, следует выучить наизусть: ГОР, КЛОН, ТВОР, ПЛАВ, ЗАР. Исключения: ВЫГАРКИ, ИЗГАРЬ, ПРИГАРЬ, ПЛОВЕЦ, ПЛОВЧИХА.
2. От значения слова зависит выбор буквы в корнях МАК/МОК и РАВН/РОВН. Слово со значением «погружать в жидкость пишется с буквой А (МАКАТЬ КИСТЬ В КРАСКУ), если же его значение «постепенно пропитываться», то следует писать О (ОБУВЬ ПРОМОКАЕТ). Слово, имеющее значение «гладкий, горизонтальный, прямой», пишется с буквой О (РАЗРОВНЯТЬ ЗЕМЛЮ НА КЛУМБЕ), а слово со значением «одинаковый» следует писать с буквой А (РАВНЕНИЕ ПО РОСТУ, УРАВНОВЕШЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК). Исключения: РАВНИНА, РОВЕСНИК, ПОРОВНУ, УРОВЕНЬ.
3. От следующих после чередующихся гласных букв зависит написание корней ЛАГ/ЛОЖ, РАСТ/РАЩ/РОС, КАС/КОСН, СКАК/СКОЧ. Рассмотрите примеры: ПРЕДЛАГАТЬ — ПРЕДЛОЖИТЬ, РАСТЕНИЕ — ВЫРАЩИВАТЬ — ПОДРОСЛИ, КАСАТЬСЯ — КОСНУТЬСЯ, СКАКАТЬ — ВСКОЧИТЬ. Исключения: ОТРАСЛЬ, РОСТОК, РОСТОВЩИК, РОСТОВ, РОСТИСЛАВ и СКАЧОК, СКАЧУ [Грамота.ру].

Это вполне традиционное школьное описание вызывает целый ряд вопросов. В частности, должны ли входить имена собственные *Ростов* и *Ростислав* в список исключений, то есть можно ли их на синхронном уровне относить к корню *рос*? Можно ли на синхронном уровне говорить о сохранении единого корня *твор/твар*? Вот что об этом написано в [Кронгауз и др. 2018: 29]:

«В школьном курсе русского языка обычно в этой группе рассматривают ещё корень *твор* // *твар*. Исторически это, действительно, один корень, имевший два варианта. Однако со временем варианты очень сильно разошлись по значению и стали самостоятельными корнями. Первый вариант связан с идеей творчества и творения

¹ Здесь и далее речь пойдет прежде всего о графических, а не фонетических чередованиях, хотя и фонетические чередования упоминаются в ряде работ: [РГ 1980, 1; Трубецкой 1987]. В дальнейшем это различие не комментируется, поскольку оно вытекает из примеров и контекста.

и пишется с буквой *o* не только в ударной, но и в безударной позиции: *твори́ть, творческий, творе́ц, творе́ние, болезнетво́рный*. Второй вариант встречается в нескольких словах, изначально связанных с идеей творения, но по существу потерявших или теряющих эту связь. Он также может встречаться и в ударной, и в безударной позиции: *тварь, тварю́га, у́тварь*».

Однако в любом случае очевидно, что чередование *шпаргалка / шпора* в этот ряд чередований не вписывается. Есть еще один хорошо известный ряд регулярных чередований *a* и *o*. Он подробно описан в [РГ 1980, 1: 428–429]:

«§ 1076. Неконечные чередования (кроме беглости гласной), как правило, непродуктивны и выступают только в определенных корнях, главным образом глагольных. Единственным продуктивным из относящихся сюда чередований является чередование гласных |o — a| после парно-твердой согласной в глагольных корнях перед суф. морфом *-ива-*: *заморозить — замораживать, исхлопотать — исхлопатывать, звать — перезванивать* (о морфологических условиях этого чередования см. § 845). В образованиях, мотивированных глаголами на *-ивать* (орфогр. также *-ывать*), содержащими результат чередования |o — a|, регулярно выступает противоположное ему по направлению чередование |a — o|, т. е. восстанавливается первоначальная корневая гласная словообразовательной цепочки: *перезванивать — перезвон- Ø, ухаживать* (например, за больным) — *уход- Ø, позванивать — позвонок* (колокольчик), *разговаривать — разговор- Ø и разговорный*».

Переход *o* в *a* в этой позиции относится к возможным, но не обязательным (ср.: *сосредоточивать, отсрочивать...*), однако тенденция настолько сильна, что она модифицирует и новые корни. Так, именной корень *тамож*, появляясь в глаголе, подчиняется этой тенденции: *Тамо́жня — растамо́жить — растама́живать*.

Более редкие и даже уникальные чередования отмечены в [Трубецкой 1987: 99]:

«§ 40. Чередование *o ~ a* представлено: А. В *именном основообразовании* единственным изолированным примером служит *l'íb' òTkā* (лебедка) ~ *l'íb' àžij* (лябязи)³⁴. — В. В *словоизменении глагола* это чередование имеет место только в двух изолированных нерегулярных парадигмах: наст. (буд. вр. *l'ágũ* (лягу) ~ прош. вр. *l'ok* (лег) и причастие прош. вр. страдат. залога *zã|přãžĩç* (запряжен) ~ прош. вр. м. р. *zã|přòK* (запряг)».

Н. С. Трубецкой также отмечает чередование в смешанном основообразовании, о котором будет сказано ниже.

Чередования *a* и *o*, не описанные в лингвистической литературе

Очевидно, что среди описанных чередований нет таких, в которые можно было бы вписать чередование *шпаргалка / шпора*. Однако некоторое сходство с ним можно усмотреть в чередованиях, которые также оказались вне лингвистических описаний. Здесь придется вернуться на шаг назад к упомянутому выше хорошо известному чередованию *зар/зор*, которое описывается следующим образом:

Под ударением пишется то, что слышится, а в безударном положении пишется *a*:
за́рево, лучеза́рный;
зо́ри, зо́рька, зо́ренька;
за́ря, за́рница, оза́рение, оза́ренность, оза́рить, за́рянка.

Более редкое и даже потенциальное словообразование подчиняется этому же правилу: *зёрюшка, зарюшечка...*

Следует обратить особое внимание на пару *заря* — *зори*, поскольку чередование происходит внутри лексемы существительного: в единственном числе с безударным корнем пишется *а*, а во множественном числе под ударением *о*.

С точно таким же распределением реализуется чередование в таких парах, где второй член заведомо находится вне литературного языка:

пальто — *пóльта*;
башка — *бóшки*²;
балда — *бóлды* (обычно в значении «голова»);
табло — *тóбла* (в значении «лицо»);
фата — *фóты*...

Ср. примеры из [НКРЯ]:

Если он в конце вечера бывал сильно пьян, то, сидя у барьера и мельком доброжелательно взглядывая на подходящих, тут же указывал пальцем своему напарнику, где висит то или иное пальто. По словам Афони, его бил еще Есенин. — За что? — полюбопытствовал я. — Да ни за что. Загонит за пóльта и дерется. Но не больно. Зато уж и платил!.. [Константин Ваншенкин. Писательский клуб (1998)]³.

Но вот после того, как пальто стало очень распространенной одеждой, его название сделалось общенародным, а когда народ ощутил это слово таким же своим, чисто русским, как, скажем, яйцо, колесо, молоко, толокно, он стал склонять его по правилам русской грамматики: пальто, пальту, пальтом и даже польта [К. И. Чуковский. Живой как жизнь (разговор о русском языке) (1962)].

Взяли, конечно, билеты по рубль тридцать. Поднялись по лестнице. Вдруг назад кличут. Велят раздеваться. — Пóльта, говорят, съмайте. Локтев, конечно, с дамой моментально скинули польта. А я, конечно, стою в раздумьи. Пальто у меня было в тот вечер прямо на ночную рубашку надето. Пиджака не было [М. М. Зощенко. Прелести культуры (1926)].

А вам мы еще бошки поотрываем! — пригрозил Диман братьям [Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006].

— Льнов, скажи по секрету, на кого ты собираешься охотиться? Мамонтам бошки сносить? Так они вымерли [Михаил Елизаров. Pasternak (2003)].

Живут в лесу и на торфяных болотах. Люди, а бошки пёсьи. В тридцать седьмом начальник зоны полковник Рытов их как-то приручил, что ли... [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 1–20 (2011)].

Какие хорошие!!!! Но дурные болды — все в хозяйку... :)))))) [Livejournal, комментарий (2009)].

Для форм *тобла* и *фоты* примеров ни в корпусе, ни в интернете не найдено, их существование основано только на устных свидетельствах носителей языка.

Вместе с этим списком хочется упомянуть и русское слово *говно*, имеющее в словарях пометы *простореч., груб.* Формально в нем нет чередования, однако в единственном числе в безударном корне ошибочное написание *а* встречается довольно часто:

² Эта пара выделяется из ряда тем, что *о* может появляться и в единственном числе: *бóшка*. Подробнее об этом далее.

³ В статье используются примеры из НКРЯ и из интернета, полученные с помощью поисковой системы Яндекс. Обращение к НКРЯ и интернету — 19 августа 2023 г.

в НКРЯ — 12 текстов и 14 примеров, что может отражать параллельную орфографическую реальность. Однако во множественном числе вариативности нет, встречается только «правильный»⁴ вариант: *гòвна*.

*Я їх осмàтривàю, слòвно
покинутые мнòю гòвна
в лесу, в лугàх, среди цветòв.*

[Н. Байтов. Нескончаемые сетования (2000)]

Особенность слов из упомянутого выше списка заключается в том, что в литературном языке это либо несклоняемые, либо имеющие в словарном описании помету «мн. затрудн.»⁵ существительные. Все особые формы множественного числа оказываются за пределами литературного языка и могут быть отнесены к просторечию.

Отдельно надо сказать о слове *башкá*. В толковых словарях, в частности в [МАС], оно имеет помету «простореч.». Однако также существует и слово *бòшка* с формами и во множественном, и в единственном числе. Оно не встречается в нормативных толковых словарях, но присутствует, например, в «Словаре русского арго» В. С. Елистратова [Елистратов 2000]: «БО́ШКА, -и, ж. Башка, голова». Десятки примеров обнаруживаются и в НКРЯ:

Тут ему на бòшку кирпич с крыши бац! [Алексей Иванов. Земля — Сортировочная (1990–1991)].

Читал, наверное, но из моей дырявой бòшки и более крупные самоцветы вываливаются [Александр Щербаков. Пах антилопы // «Октябрь», 2002].

Чё то у меня под вечер бòшка дырявится [Автогонки-3 (форум) (2005)].

Таким образом, ударное *о* в этом случае маркирует не особое просторечное множественное число, а целое слово («еще менее литературный»⁶ вариант), что похоже на противопоставление в паре *разлив* — *розлив*, которая будет рассмотрена ниже.

Оставаясь в рамках имени существительного, можно найти еще одно чередование, стоящее обособленно. Существует лексема *штоники*, которую также можно отнести к просторечию⁷. Она отсутствует в НКРЯ, но встречается в интернете:

...в вскр начала шить себе штоники новые... [Diary.ru 2003].

...для мальчиков юбочки и штоники по фигуре — да-да-да! всякие там растянутые оверсайсы и провисающие бойфренды — нет-нет-нет! [Livejournal 2015].

Муж и его семья говорят всегда штАники, впервые от них услышала это слово в таком звучании. Все кого я знаю, говорят штОники. Муж утверждает, что штАны, значит штАники [Baby.ru 2020].

В последнем примере отражена лингвистическая дискуссия о проверке написания гласных с помощью однокоренных слов (с точки зрения мужа) и возможном чередовании (с точки зрения жены). Мнение мужа интересно еще и тем, что ударная гласная проверяется безударной.

⁴ Этот вариант правильный с точки зрения орфографии, но с точки зрения грамматики образование множественного числа у этого слова затруднено.

⁵ В соответствии с [Зализняк 1987].

⁶ Конечно, строго говоря, мы не можем сравнивать более или менее просторечные варианты, но отсутствие *бòшки* в нормативных словарях, значительно более редкая встречаемость (в частности, если судить по НКРЯ) сообщает нам о большей удаленности этого варианта от границ литературного языка.

⁷ Не исключено влияние белорусского, где есть слово *штонікі* ‘штанишки’.

Наконец, надо отметить, что рассматриваемое чередование встречается в неформальном словообразовании личных имен:

Лариса — Лора, Лорка...;
Матвей — Мотя, Мотька...;
Тамара — Тома, Томочка...

Из оттого, что она на секунду забыла про Лору (она сразу знала, что будет Лора, Лариса, имя для дочери придумала еще в детстве), почувствовала себя такой виноватой, что заплакала [Галина Щербакова. Реалисты и жлобы (1997)].

— Вот, слушай, Мотька, — меня Матвеем окрестили, — слушай! [Максим Горький. Исповедь (1908)].

— А как же святая царица Тамара? — напоминала Тома, которой еще прежде Василиса говорила о ее заступнице царице Тамаре, в честь которой она была крещена [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

Конечно, в этом случае нельзя говорить о просторечии, но, очевидно, речь идет о неформальных разговорных формах личных имен.

К личным именам примыкает и еще один пример, связанный с типичной кличкой для барана — *Борька*. Строго говоря, здесь нельзя говорить о чередовании, но, скорее, о поэтическом сближении названия животного и имени, которое подтверждается многочисленными видеороликами в интернете, а также стихотворением А. Барто «Баран Борька»:

Всюду ходит за Дуняшей
Борька, маленький барашек...

Следует отметить также два обособленных чередования, связанных не с просторечием, а с жаргонами.

Во-первых, это прилагательное из молодежного сленга *симпóтный* (от *симпатичный*). Оно встречается в «Словаре русского арго» [Елистратов 2000] и в некоторых других словарях.

Но Леонид никак не проявлял своего внимания — «ему не до этого» — ему всегда не до этого!.. А ведь симпотная девчонка! Просто не может он с ними... [Алексей Шепелев. Кгышфт Вшытундф-ТВ (2008) // «Волга», 2011].

А иной раз у таких уродливых родителей бывают очень симпотные детки, прямо диву даёшься [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)].

Во-вторых, интересное чередование представлено в существительном в приставке *раз-*: *разлив* — *ро́злив*. Здесь соблюдаются правила чередования, характерного для приставки *рас/рос/раз/роз*, но некоторая особенность заключается в том, что здесь фактически представлена дублетная пара, то есть синонимы, которые формально различаются только вариантом приставки (и ударением, естественно). Впрочем, они различаются и стилистически: второе слово в паре (*ро́злив*) маркировано как профессиональное: в МАС имеется помета *сленг*. Кстати, примеры показывают, что это слово характерно не только для профессионального жаргона, но и для неформального стиля:

Налей водочки, Илюша, — просит Марфа. Я беру розлив в свои руки. Меня переполняет счастье [Ашот Аршакаян. Шведский дебют Ивана Денисовича // «Сибирские огни», 2012].

Замызанную подмосковную платформу с кафе-тошиноловкой «Ветерок», где портвейн «Иверия» в розлив под яйца вкрутую, он назвал именем легендарного поселка старателей Клондайка [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)].

Пиво в розлив по кружкам, водка в розлив по стаканам, ну и портвешок на смазку [Леонид Хейфец. Всполохи // «Октябрь», 2013].

Спрос на недорогое пиво фактически сформировал новый сегмент рынка — продажу так называемого живого пива в розлив [Кира Ремнева. Забродивший продукт // «Однако», 2010].

Если же, наконец, обратиться к глаголу, то мы увидим просторечные формы настоящего времени у целого ряда глаголов:

дарить, дарит — дорит;
катиться, катится — котится;
платить, платит — плотит;
растить, растит — ростит;
(по)садить, (по)садит — содит.

...какой подарок вам подарит Бог когда вы попадете к нему? [<https://otvet.mail.ru> 2008].

И без перерыва за антисоветскими частушками следовали частушки «красных»: Эх, яблочко, куда котишься? К Колчаку попадешь — не воротишься! [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава третья (1926–1928) (1995)].

— Мы ухаживаем, в магазин ходим, стираем, он нам плотит за это [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000].

Отец-то меня ростил — это верно, а кто твою ораву ростит? [Федор Абрамов. Две зимы и три лета (1968)].

[Эля Смирнова (жен)] Как-то раз засиделся, метро не ходит, в трамвай не содят [Л. С. Петрушевская. День рождения Смирновой (1977)].

«У нас в селе один перевозил через речку, баркас знаешь какой у него был? Человек пятнадцать посодит, и еще место останется» [Борис Хазанов. Я воскресение и жизнь (1976)].

Можно привести и пример лингвистической рефлексии по этому поводу на одном из форумов:

«Все говорят слова звОнит, плОтит, дОрит, брОется — все с ударением на первый слог. Ну это звонит, платит, дарит и бреется» [mujchin.net 2012].

Тут необходимо вернуться к [Трубецкой 1987: 99], где описывается нечто подобное:

«С. В смешанном (девербативно-именном, деноминативно-глагольном) основообразовании примеров с чередованием о ~ а оказывается уже несколько больше (в целом их 6), но все же они довольно разрозненны: наст. вр. plòt'ít' (графич. платит)³⁵ ~ plàt'á (плата), наст. вр. dòit' (графич. дарит)³⁵ ~ dar (дар), наст./буд. вр. pǎ|sòd'ít' (графич. посадит)³⁵ — pǎ|sǎTkǎ (посадка)...».

В сноске 35 Н. С. Трубецкой отмечает:

«Произношение plàt'ít', dǎit'ít', sǎd'ít' совершенно чуждо москвичам (по крайней мере, моего поколения) и воспринимается либо как провинциализм, либо как нарочитое уподобление графическому облику; и напротив, пока еще употребляется Skát'ít', а параллельная форма Skòt'ít' считается просторечной».

Иначе говоря, ситуация для Н. С. Трубецкого в определенном смысле противоположна современной, поскольку, не [o], а именно [a] воспринимается как признак ненормативности, маркированности.

Трубецкой также говорит еще о трех парах, которые, впрочем, не имеют прямого отношения к рассматриваемым чередованиям:

«...прош. вр. м. р. *třoš* (графич. тряс, впрочем, параллельно существует и произношение *třaš*) ~ *třaškā* (тряска), также *zā|pfòk* (запряг) ~ *zā|pfāškā* (запряжка), *žaT'* (жать, наст. вр. *žm̄u*) ~ *žom̄* (жом)» [Трубецкой 1987: 99].

Важно подчеркнуть, что в современном русском языке просторечные формы типа *плотит* существуют наряду с литературными формами *платит*, где корень также находится под ударением, то есть здесь чередование оказывается единственным показателем нелитературности данного ряда форм.

Говоря о глаголе, нельзя не упомянуть и обособленное чередование, связанное с маркированной формой *нолито* (от *налить*). Оно уникально и тем, что замена на *о* происходит в приставке, имеющей единственный графический облик — *на*⁸, и тем, что оно обозначает особую «алкогольно-свойскую ситуацию», а именно возможность выпить, обеспеченную наполненностью сосудов. Ср.:

...парни, ну сколько можно, у нас давно нолито каждую секунду испаряется двести молекулярных слов [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)].

Сейчас все напишем. — У меня уже нолито. — Володя зубами открыл бутылку пепси и выплюнул пробку [Дмитрий Каралис. Дорогая Мирей Матье (1990)].

Экспрессивное *нолито* также существует наряду с «близнецом» *нали́то* из литературного языка.

Заключение

Итог этой статьи можно подвести разными способами.

Наиболее скромный состоит в констатации того, что в тексте приведена подборка примеров, иногда довольно специфических, которая демонстрирует явление, похожее на чередование букв в корнях и приставках, однако ранее пропущенное в школьных и академических грамматиках. Это явление неоднородно, тут нельзя говорить о какой-то единой фонетической, грамматической или семантической позиции, хотя можно выделить частные позиции и «аналогию», обеспечивающие скопление примеров. Например, для существительных речь идет о множественном числе слов женского рода акцентной парадигмы *d*: *грозá* — *грозы́*, *сосна́* — *со́сны*, *сноха́* — *снохи́*..., а для глаголов это формы настоящего времени⁹, относящиеся к акцентной парадигме 4с: *ходить*.

Можно, однако, исходить и из более сильных исследовательских амбиций, а именно объединить ряд разнородных (в том числе и уникальных) явлений в рамках особого чередования, а конкретнее — перехода *а* в *о* в некодифицированной области языка: в профессиональных и молодежных жаргонах, просторечии, подчеркнуто разговорной речи.

Таким образом, можно говорить об относительно регулярных чередованиях *а* и *о* на стыке литературного и нелитературного языка. Буква *о* передает фонему [о], которая появляется под ударением в не вполне нормативных или неформальных словоформах и словах (просторечных, жаргонных...), то есть подчеркивает эту неформальность.

Возможно, точнее говорить не о регулярных чередованиях, а об определенной продуктивности модификации *а* в *о* с некой прагматической и стилистической целью. Появление

⁸ То есть приставка *на* отличается от приставки *рас*, где возможно и описано чередование *а* и *о*.

⁹ Точнее говоря, пять словоформ настоящего времени (кроме формы 1 лица единственного числа), где корень находится под ударением.

о вместо привычного *a* и фонетически, и графически маркирует неформальность слова. Кроме признака неформальности можно отметить и определенную экспрессивность форм с *o*, особенно заметную в том случае, когда в литературном языке существует полный грамматический аналог с *a*.

Возвращаясь к слову *шпаргалка*, с которого начиналась эта статья, можно сказать, что «жаргонность» формы слова *шпора* обеспечивается не только ударным [o], но и сокращением корня [šparga] до [špor], что также характерно для перехода слова в молодежный и другие жаргоны: *чел* от *человек* (молодежный жаргон) или *комп* от *компьютер* (компьютерный жаргон).

Результатом этого исследования можно считать не только описание некоего нового «странного» чередования, существование которого, скорее всего, вызовет дискуссию и будет подвергнуто сомнению, но и обнаружение определенных лагун в морфонологической теории и неточностей в формулировании школьных правил, предлагающих проверку безударных гласных. Наконец, это еще одно подтверждение важности установления границ между литературным языком и субстандартом и необходимости привлечения субстандартного языкового материала для формулирования общих языковых закономерностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Большой вопрос.ру — Как проверить слово «шпаргалка»? [How to check the spelling of *shpargalka*?] <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2101583-kak-proverit-slovo-shpargalka.html#answer6487542>
- Грамота.ру — Правписание корней с чередующимися гласными [The spelling of roots with alternating vowels]. http://gramota.ru/class/coach/tbgramota/45_93
- Мел — Как правильно: «шпоргалка» или «шпаргалка» [*Shporgalka* or *shpargalka*: Which is correct?]. https://mel.fm/gramotnost/gramotny-otvet/1936408-cheat_sheet
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Елистратов 2000 — Елистратов В. С. *Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг.* М.: Русские словари, 2000. [Elistratov V. S. *Slovar' russkogo argo. Materialy 1980–1990 gg.* [A dictionary of Russian slang: Data from 1980–1990]. Moscow: Russkie slovari, 2000.]
- Зализняк 1987 — Зализняк А. А. *Грамматический словарь русского языка: Словоизменение.* 3-е изд. М.: Русский язык, 1987. [Zalizniak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [A grammatical dictionary of Russian. Inflection]. 3rd edn. Moscow: Russkii yazyk, 1987.]
- Кронгауз и др. 2018 — Кронгауз М., Арутюнова Е., Панов Б. *Неучебник по русскому языку. Орфография.* Ч. 1: *О корнях и не только.* М.: Клевер-Медиа-Групп, 2018. [Krongauz M., Arutyunova E., Panov B. *Neuchebnik po russkomu yazyku. Orfografiya.* Ch. 1: *O kornyakh i ne tol'ko* [“Not-a-Textbook” of Russian. Spelling. P. 1: On roots and beyond]. Moscow: Klever-Media-Grupp, 2018.]
- МАС — *Словарь русского языка.* В 4 т. Евгеньева А. П. (ред.). М.: Русский язык, 1981–1984. [*Slovar' russkogo yazyka* [A dictionary of Russian]. In 4 vols. Evgen'eva A. P. (ed.). Moscow: Russkii yazyk, 1981–1984.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика.* В 2 т. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow: Nauka, 1980.]
- Трубецкой 1987 — Трубецкой Н. С. *Морфонологическая система русского языка.* Трубецкой Н. С. *Избранные труды по филологии.* Виноградов В. А., Нерознак В. П. (сост.). М.: Прогресс, 1987. [Trubetzkoy N. S. *Morphonological system of Russian.* Trubetskoi N. S. *Izbrannye trudy po filologii.* Vinogradov V. A., Neroznak V. P. (comps.). Moscow: Progress, 1987.]